

А.Н. Фатенков (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского)
Вечное возвращение как аутентичная модель процесса развития

Контекстуально, не притязая на исчерпывающую полноту, определим *развитие* как направленное изменение, вызванное по преимуществу действием внутренних причин.

Акцентируя внимание на направленности протекающих в системе изменений, можно вычленивать три простейших типа развития. Во-первых, *циклический*, при котором она периодически возвращается, или как бы возвращается, в своё исходное состояние, после чего её движение начинается сызнова (иногда – по проторенному ранее маршруту). Во-вторых, *регрессивный*, когда изменения линейно идут от хорошего к плохому. В-третьих, *прогрессивный*, когда система опять же линейно движется в противоположном направлении. Различие между регрессом и прогрессом – преимущественно аксиологическое, связанное с субъектной, личностной оценкой. Сугубо объективное их разграничение не убедительно. Вполне приемлемый, казалось бы, структурный критерий идентификации восходящего движения – «от простого к сложному» – не срабатывает. Ведь простота простоте – рознь. Да и сложность сложности – тоже. Вспомним, есть святая простота. И та, что хуже воровства. Встречается цветущая сложность. И сложность декаданса, падающих эпох. Нелепо, к примеру, называть прогрессом движение от аксиологически положительной простоты к аксиологически отрицательной сложности.

Помимо элементарных возможны комбинированные варианты развития, сочетающие линейность и циклизм. Вернее, при некоторых упрощениях, порой корректных, сложная фигура развития редуцируется к отдельным компонентам. При результирующем доминировании регресса и прогресса получаем в итоге спираль, ориентированную, соответственно, вниз или вверх. Все рассмотренные до сих пор модели адекватно изображаются на плоскости: линией окружности (множеством пересекающихся колец), вектором, спиралевидной линией. Этого не удаётся сделать в случае результирующего первенства циклизма. Здесь требуется уже стереоскопия, ибо тут мы имеем дело с фигурой вращения. Данный факт свидетельствует об исключительном положении и значении идеи цикла, вернее – её совершенного прототипа, *вечно возвращения*, которое и можно толковать архетипом подлинного развития. Его геометрическая эмблема – не окружность на плоскости (это явно деформированная символизация, вызванная деградацией объёмного мировосприятия), а *шар в пространстве*. Прогресс и регресс – только моменты, плоскостные проекции, фрагменты развития, находящиеся во всевластии количественных оценок. Линейная схема движения не имеет зримых преимуществ перед циклической в плане демонстрации событийной неповторимости, чуть только исторической сфере (в буквальном смысле этого слова) мы придаём объёмную динамику.

Известно, что циклическая парадигма – времени, истории, течения событий – древнее своих линейных конкурентов. Хрестоматийной стала её атрибутивная привязка к культурной традиции Востока и к архаико-мифологическому типу мировоззрения. Не обходится без апелляции к циклической алгоритмике, как к вспомогательной, и религиозная практика монотеизма: культовое действо, да и любой акт подлинной веры, возвращает его сотворца в лоно Священной истории. На вторых ролях – подручного, оппозиционера, маргинала – остаётся циклизм в социально-гуманитарном знании Нового времени (вплоть до сегодняшнего дня), с очевидностью уступая пальму первенства прогрессивистской (линейной или спиралевидной) стратегии. В нововременном естествознании – особенно последних десятилетий, и прежде всего в биологии и астрофизике, – циклические представления наделены гораздо более высоким статусом. Отдельной строкой следует упомянуть астрофизическую концепцию «кипящего вакуума» (шире – парадигму пульсара), которая заметно ограничивает эвристические притязания теории Фридмана – Хаббла, этой популярной космологической аналогии социального прогрессизма. Бросающееся в глаза противоречие между доминирующими в природе циклическими регулярностями и прогрессивистскими ожиданиями в движении общества существенно затрудняют становление коэволюционного мировоззрения. И ещё: теория

управляемого хаоса, к которой нередко апеллируют сегодня, – это, как представляется, либо непродуманная до конца, либо намеренно используемая для маскировки оригинала версия теории объёмной социальной динамики.

В предметном поле философии идея цикла всегда чувствовали себя уютно и вольготно. Там она зачастую репрезентирует, с той или иной степенью адекватности, более ёмкую – сферическую парадигму. Вершина той, доверимся интуиции и вкусу Х.Л. Борхеса, в изящной формуле: *сущее есть сфера, центр которой везде, а окружность нигде*.

Хорошо знакомый гуманитариям герменевтический круг – смысловая взаимообусловленность текста, с одной стороны, и его фрагментов и контекстов, с другой, – это, собственно, и не круг, а опять-таки шар. Сфера с блуждающим смысловым центром, препятствующим или, во всяком случае, затрудняющим проведение редукционистских процедур, и с подвижной концептуальной поверхностью, покрывающей пластичную область событийных интерпретаций. Окружность на плоскости графически символизирует скорее не *понимающий*, а *объясняющий* тип дискурса, который подразумевает подгонку фактов (точек внутри окружности) под определённую неизменную регулярность (граничную линию).

Особое место в метафизике сферы принадлежит Ф. Ницше, который возгоняет понятие цикла до чистоты *вечного возвращения*, делая затем роковой шаг и срываясь в бездну хаоса. Терминируемый вербальный конструкт немецкого интуитивиста крайне противоречив в своём предметном значении, указывая одновременно и на полное смысла себестождественное динамичное *бытие*, бытие через становление, и на его принципиальную недостижимость: то ли на всего лишь нескончаемое асимптотическое приближение к нему, то ли вовсе на тщету всего и вся, проистекающую из господства почти бессмысленного *ничто*. Склоняясь в сторону бытия, получаем, с немалой степенью вероятности, что вечное возвращение есть некий повтор. И снова дилемма: возвращаться-повторяться может всё подряд, а может только лишь некоторое, эксклюзивное. Обе интерпретации, по-разному, эвристически ценны. Возвращение всего без разбору делает фрагменты сущего равноценными, выводя это всё и нас вместе с ним за рамки оцениваемых действий и оценочных суждений к собственно объективной реальности. Возвращение отдельного, избирательного, культивируя иерархию, предрасполагает к появлению (или укреплению позиций) субъекта и к формированию ценностной грани сущего. Тут, помимо прочего, выясняется, что неординарен не повтор, а жажда повтора.

Концептуальный экстремум философемы вечного возвращения и теории развития – в идее возвращения к тому, чего ещё могла и не быть. Это как человек вновь и вновь подбирается к мысли, засевшей где-то в глубинах его сознания. Если Бог не в силах сделать небывшим некогда уже случившееся, то подлинный, реальный субъект развития должен попытаться повторить неповторимое. Иначе трудно удостовериться в том, что хоть что-то происходит.